

38. *Reimer G. E. Exiled by the Czar: Cornelius Jansen and the Great Mennonite Migration, 1874 / G. E. Reimer, G. R. Gaeddert. – Newton, Kansas, 1956. – 205 p.*

Надійшла до редколегії 05.01.10

О. В. Безносова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
АНТИГЕРМАНСКОЙ КАМПАНИИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(на примере Екатеринославской губернии)**

На прикладі Катеринославської губернії розглянуто причини формування антинімецьких настроїв у Російській імперії, які стали базою антигерманської кампанії 1914–1916 рр. Проаналізовано такі фактори, як історична пам'ять, соціокультурні та етноконфесійні конфлікти.

Ключові слова: антинімецька кампанія, Катеринославська губернія, Перша світова війна.

На примере Екатеринославской губернии рассмотрены причины формирования антинемецких настроений в Российской империи, переросших в антигерманскую кампанию 1914–1916 гг. Проанализированы такие факторы, как историческая память, социокультурные и этноконфессиональные конфликты.

Ключевые слова: антинемецкая кампания, Екатеринославская губерния, Первая мировая война.

This article shows the reasons of the anti-German company that had been initiated before World War I in Katerinoslavskaya gubernia.

Key words: anti-German company, Katerinoslavskaya gubernia, World War I.

В современном мире, наполненном политическими, социальными и этническими конфликтами, остается по-прежнему актуаль-

ным построение истинно демократического общества, в котором бы учитывались и уважались права не только «титულных наций», но и национальных меньшинств. Поэтому изучение прошлого опыта выстраивания межнациональных отношений, с его достижениями и просчетами, является необходимым этапом для разработки их современных моделей. В этом плане судьба немецкого населения бывшей Российской империи, оказавшегося заложником ситуации в период Первой мировой, а затем и гражданской войны, является ярким примером того политического, социального и духовного тупика, в который может завести общество нетерпимая унификационная националистическая (шовинистическая) политика государства по отношению к национальным меньшинствам, ибо прологом трагедий гражданской войны была антигерманская кампания, развязанная в Российской империи против собственных граждан – этнических немцев – накануне и во время Первой мировой войны. Поэтому изучение причин возникновения, развития и последствий этой кампании для всех участвующих сторон даже почти столетие спустя имеет не только академический интерес.

За последние годы уже немало написано об этом явлении, о его несомненной экономической подоплеке и сопровождающей социально-психологической обстановке, которая была своеобразной рефлексией окружающего социума на экономические успехи бывших колонистов. Однако, на наш взгляд, исследованиям, традиционно рассматривающим данную проблему либо с точки зрения защищавшего свои интересы немецкого населения, либо с точки зрения их оппонентов-обвинителей, присуща определенная схематичность подходов. При этом, как правило, упускаются из поля зрения такие факторы:

1) многосторонность и многофакторность этих кампаний, которые отнюдь не сводились только к проблемам собственности, правам использования немецкого языка в общественной жизни и в изданиях периодической печати;

2) антигерманские кампании, хотя и проводились в рамках одного государства и под его эгидой, ход их в разных регионах довольно существенно отличался друг от друга. Антинемецкие настроения, их проявления и конкретные действия по реализации ликвидационного законодательства в Прибалтике, Москве, в Поволжье или на Юге не были идентичными. Даже в рамках Юга (бывшей Новороссии) обращает на себя внимание наличие внутрорегиональных

отличий между ее проявлениями на уровне отдельных губерний. Поэтому в качестве объекта для изучения нами была избрана Екатеринославская губерния, отличавшаяся от соседних наибольшей долей автохтонного украинского населения, проживавшего на ее территории еще до эпохи иностранной колонизации. Кроме того, на ее примере мы обратимся к исследованию именно тех аспектов, которые еще очень мало освещены в историографии проблемы.

Пожалуй, одним из наиболее популярных в литературе является так называемый **земельный вопрос** (немецкие землевладения и кампания по их ликвидации в период Первой мировой войны). Исследователи уже изучили немало различных его аспектов, сосредотачиваясь, главным образом, на абсолютных цифрах земельной собственности немцев, описании количества их недвижимого имущества и т.п. При этом, как правило, весьма мало обращалось внимание на такие сопутствующие факторы, как общая плотность населения, историко-социальные особенности его формирования на той или иной территории. Поэтому, возможно, так и не было до сих пор найдено объяснения почему, хотя в Екатеринославской губернии доля немецкого населения и землевладения не были первенствующими в регионе (уступая по абсолютным показателям Таврической), она выделялась столь ожесточенным социокультурным противостоянием между немецким и окружающим населением в последний период существования империи, и особенно в гражданскую войну, даже на фоне соседних губерний.

В Екатеринославской губернии владения колонистов составляли 10 % всей площади только пахотных земель, и это при том, что этнические немцы составляли в начале XX в. лишь 3,8 % ее населения. По подсчетам А. Безносова, в Екатеринославском уезде этой губернии доля немецкого землевладения доходила до 19 %, Александровском – 18 %, Бахмутском – 14 % [1, с.117–121]. Причем необходимо отметить, что эти площади располагались в наиболее плотно заселенных уездах губернии, местные крестьяне которых остро страдали от недостатка земли, и уже в начале 80-х гг. XIX в. были отмечены случаи спекуляции землей колонистами [9, с. 53–54]. Поэтому ожесточенная конкуренция за землю стала главной причиной того, что земство Екатеринославской губернии уже в 1886 г. стало зачинателем движения за ограничение немецкого землевладения в Российской империи [17, с. 1024, № 187]. Весьма парадоксальным при этом был тот факт, что с этой инициативой выступило крестьянство Верхнеднепровского уезда, где немецкое землевладение было наименьшим в масштабах

губернии, будучи представлено лишь пятью небольшими дочерними колониями, частными хуторами и именьями, составляя в целом менее 1 %, а доля самих немцев (1137 чел. в 1899 г.) в населении этого слабо развитого сельскохозяйственного уезда была лишь 0,6 % [12, с. 55]. Это, со своей стороны, еще раз подтверждает тот факт, что причины социальных и особенно социокультурных конфликтов далеко не всегда лежат в плоскостях материальных и не могут быть легко объяснимы исключительно с точки зрения экономических и правовых категорий.

Проблемы исторической памяти: «свои и чужие». С нашей точки зрения, говоря о подоплеке антигерманских кампаний на Юге империи и в Екатеринославской губернии в частности, невозможно рассматривать их в отрыве и вне всего процесса социокультурного развития края, без учета особенностей формирования его населения.

Соседние Херсонская и Таврическая губернии, включившие в себя, главным образом, бывшие территории «Дикого поля» и Крымского ханства, заселялись, в основном, уже в последующий после присоединения к Российской империи период переселенцами из различных местностей, в том числе и иностранными. В отличие от них Екатеринославская губерния, плотность населения которой всегда была гораздо более высокой [15, с. 43–45 (табл. 18), 52], изначально обладала наибольшим удельным весом именно автохтонного населения (оседлое население Запорожья) и, соответственно, исторически сложившимися многовековыми традициями. Даже после переселения воинских подразделений самого Войска Запорожского на Кубань и часть населения, и память о прошлом оставались. Поэтому национально-культурное украинское движение, бурно развивавшееся в конце XIX – начале XX вв., приобрело в Приднепровье, а особенно в самом губернском городе Екатеринославе и его предместьях, большую популярность. При таких обстоятельствах расселение иностранцев на местах исторического возникновения запорожского казачества воспринималось местным населением (причем не только интеллектуальной элитой) с обидой и горечью. Слова Т. Г. Шевченко

«На Хортиці сивій

мудрий німець картопельку садить»

повторялись на разные лады в статьях и выступлениях [8; 18; 19; 20], пока не стали в украинских губерниях Российской империи настоящим лозунгом антигерманской кампании 1914–1916 гг. Однако нельзя при этом утверждать, что исключительно проблемы исторической

памяти легли в основу противостояния в культурной области. Как часто это бывает, в основу проблем умозрительных легли реальные, в том числе и лежащие в области обычного права и религии.

Конфликты вокруг обычного права и гражданского общежития. Быстрый рост немецкого землевладения (за счет образования дочерних колоний и частных имений) во второй половине XIX ст. привел к значительному расширению и интенсификации контактов между бывшими колонистами и окружающим инонациональным и иноконфессиональным населением. Поэтому, соответственно, расширилось и поле (географическое и вариативное) для возникновения возможных конфликтов. Причем важно отметить, что почву для них создавали обе стороны.

Самым упоминаемым из бытовых конфликтов между немцами и окружающим населением в губернских источниках того времени была проблема общественных дорог. Появление новых владельцев у помещичьих земель нередко приводило к их конфликтам с прежним населением, ибо новые хозяева, как это всегда бывает, устанавливали на этих землях свои порядки. Однако, в отличие от помещиков и иностранных колонистов первого поколения, получивших при Екатерине широко раздаваемые земли бывших Вольностей Войска Запорожского, владельцы частных хуторов и дочерних колоний уже не соблюдали традиционное право доступа всех нуждающихся к общественным проезжим путям («чумацким шляхам»), проложенным через территорию их новых имений еще в древние времена. И хотя случаев конфликтов между колонистами и проезжающими чумаками и скотогонами и в дореформенный период тоже было немало; но колонистов строго одергивало колонистское начальство [14, с. 244; 4]. С другой же стороны, как получившие свою землю в надельную, а не в частную собственность, они не могли свободно распоряжаться землями своих колоний. Однако те из них, кто покупал имения и дочерние колонии частным образом, как и всякие хозяева, считали себя вправе распоряжаться своей землей по собственному усмотрению. Такое столкновение права обычного и права частной собственности нередко приводило к стычкам и даже кровавым дракам местных крестьян и чумаков с колонистами, причем даже вмешательство местной полиции на стороне местного населения не разрешало проблемы в целом. И хотя позднее были проложены иные общественные дороги, столь вопиющее нарушение многовековых традиций поселянами, главным образом меннонитской Николайпольской вол. Екатеринославского уезда

[5, л. 45–45об] и частных хуторов Натальевской и Вознесенской вол. Александровского уезда [13, с. 12–15] отнюдь не шло на пользу общему имиджу немецкого населения губернии. Больше всего окружающее население возмущали не столько сами факты этих конфликтов, сколько манера поведения в них колонистов, которые заявляли своим противникам-крестьянам, что *«ваша власть нам ничо чем»* [5, л. 45–45 об.]. Хотя подобные действия в отношении недопущения проезда путников по территории своих имений, не выполняя распоряжений властей, совершали не только немцы, нарастающее политическое, а потом и военное противостояние с Германией придало этим фактам эффект пресловутого «лыка в строку», настраивая население на выступления за законодательное ограничение немецкого землевладения.

Проблемы в межконфессиональных отношениях возникали и проявлялись, прежде всего, на бытовом уровне, особенно в тех случаях, когда «русские» рабочие устраивались на работу непосредственно в колонии. Высокая заработная плата, хорошее питание, условия проживания и честность в расчетах привлекали в колонии и предприятия колонистов-немцев и меннонитов Юга тысячи православных рабочих со всей Европейской части империи. И вот тут происходило вполне закономерное столкновение различных духовно-культурных мировоззрений, ибо вступали в противоречие традиции питания, режима работы и отдыха колонистов с аналогичными установками рабочих. Наиболее остро эта проблема стояла в меннонитских поселениях, где число праздников было сведено к самому минимуму, а нарушение трудовой и общественной дисциплины каралось наиболее сурово. Однако если местных жителей-меннонитов их односельчане наказывали исключительно мерами морального назидания, то на рабочих нередко воздействовали физически. Причем, если о подобных инцидентах в дочерних меннонитских колониях, частных хуторах и имениях различные источники говорят довольно часто [6, л. 40–40 об.; 16, л. 36–37; 9, с. 115; 11, с. 426, № 292], то о подобных случаях в лютеранских и католических колониях губернии пока не обнаружено ни одного упоминания. И хотя жесткое обращение с рабочими отнюдь не было в то время чем-то экстраординарным, наибольшее общественное возмущение вызывало то, что эти случаи физического вразумления православных рабочих хозяевами-меннонитами происходили нередко на религиозной почве.

Проблема этих религиозно-трудовых конфликтов заключалась в следующем:

1) рабочие не только отказывались работать во время православных праздников (которые приходились примерно на каждый третий календарный день), но и нередко посвящали это время пьянству и буйству, что было особо нетерпимым именно в меннонитских колониях. Кроме того, частые посты ослабляли силы рабочих в напряженное летнее время, что также вызывало недовольство у отрицающих в принципе посты хозяев-протестантов. Проблема восстановления трудовой дисциплины разрешалась принуждением к труду и непостной пище под угрозой увольнения. Хотя большинство рабочих и соглашались с этими требованиями, они не упускали случая пожаловаться на хозяев местным священникам, а наиболее верующие из них отказывались жертвовать своими религиозными убеждениями, подчиняться строгой дисциплине и покидали место работы;

2) в разрешении этих конфликтов наибольшую нетерпимость к религиозным традициям и убеждениям православных проявляли новоменнониты. Католики, лютеране и даже традиционные меннониты проявляли сдержанность по отношению к обрядам и обычаям православных, даже помогая строить и содержать православные храмы на территории своих колоний. В отличие от них, реформированные меннониты (новоменнониты) и очень немногочисленные в губернии немецкие баптисты и пиетисты, занимавшие активную миссионерскую позицию, часто прямо и публично высказывали свое осуждение и неуважение к Православной церкви [2].

Нельзя сказать, что в быту проявление неуважения к Православной церкви и ее служителям в конце XIX ст. было чем-то необычным, однако подобное поведение инонациональных и иноконфессиональных новоменнонитов вызывало особенно острую реакцию, а екатеринославское православное духовенство обращало внимание общественности на него отнюдь не только на страницах местных «Епархиальных ведомостей». Уже после первых конфликтов между православными и появившимися баптистами-украинцами, в губернии в 1885 г. была создана весьма эффективная сеть православных противосектантских миссионерских организаций (Миссионерских комитетов), которые объединяли не только нескольких профессиональных миссионеров (как это было в Херсонской или Киевской губ.), но и поместное духовенство вместе с энтузиастами-мирянами. Целью их была борьба не только с баптистами-украинцами, но и с покровительствующими им братскими меннонитами. В результате уже в 1894–1896 гг. требования ограничений религиозных и культурных прав новоменнонитов были

выдвинуты и доведены до сведения правительства екатеринославским православным духовенством [9, с. 10, 117–138; 7].

Данное обращение и подобные ему действия православного духовенства легли в общее русло нагнетания антигерманских настроений в обществе. Уже в 1912 г. появилась ежедневная газета «Россия для русских» в качестве приложения к «Екатеринославским епархиальным ведомостям», позднее сменившая название на чуть более нейтральное: «Русский националист» [3, с. 25]. Ее в течение года издавал и редактировал член Екатеринославской духовной консистории протоиерей В. Е. Миргородский, а в различных газетах, издаваемых на Юге, перепечатывались статьи из «Екатеринославских епархиальных ведомостей», посвященные «германскому засилью» в религиозной области [10].

Таким образом, проведенный анализ материалов по Екатеринославской губернии показывает, что почву для антигерманской кампании 1914–1916 гг. создали не только экономические успехи колонистов и внешнеполитическое противостояние России и Германии. Такие малозамечаемые исследователями социокультурные факторы, как историческая память в условиях роста национального самосознания населения, конфессиональные и гражданские конфликты внесли свою немалую лепту в создание атмосферы нетерпимости и подозрительности, которая окружила немецкое население Российской империи в период Первой мировой войны.

Библиографические ссылки

1. *Безносков А. И.* Социально-экономическое и общественно-политическое развитие немецких поселений Юга Украины в начале XX в. // Вопросы германской истории : сб. научн. тр.; редкол.: С. Й. Бобылева (отв. ред.) – Д., 2000. – С. 117–127.

2. *Безносова О. В.* Колонисты-немцы и их соседи: характер и результаты религиозных контактов (конец XVIII в. – 1917 г.) // Ключевые проблемы истории российских немцев : матер. X Междунар. конф. Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – М., 2004. – С. 201–212.

3. Газети і журнали Катеринославщини (1838–1916): науково-бібліографічний покажчик; укл. Т. М. Ковальська, О. І. Сидоренко, Н. М. Титова. – Д. : Дніпропетр. обл. наук. бібліотека, 1993. – Серія: Періодичні видання краю. – С. 25.

4. Державний архів Дніпропетровської області. – Ф. 134: Контора опекунства новоросійських іноземних поселенців. – Оп. 1, спр. 125, 187.

5. Державний архів Запорізької області (далі – ДАЗО). – Ф. 59 : Николайпольское волостное правление. – Оп. 1, спр. 1.

6. ДАЗО. – Ф. 246 : Херсонская духовная консистория. – Оп. 1, спр. 105.

7. Дородницын А. Я., епарх. миссионер. Миссионерский съезд Духовенства Екатеринославской Епархии // Екатеринославские епархиальные ведомости, 1897. – Октябрь, № 29–30. – С. 722–726; Ноябрь, № 31. – С. 779–784.

8. Дорошенко Д. Мої спомини про давнє минуле (1901–1914) // Д. Дорошенко, М. Чабан. У старому Катеринославі. – Д., 1998. – С. 59.

9. Евангельское движение в Российской империи (1850–1917) : Екатеринославская губерния : сб. докум. и матер.); сост. и ред. О. В. Безносова. – Днепрпетровск; Штайнхаген: “Samensort”, 2006.

10. Институт рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. – Ф. XI: С. П. Шелухін. – Спр. 3499: Газетные вырезки по немецкому вопросу в России (1914–1915 pp.). – 44 од. збер.

11. История распространения сектантства в приходе Петропавловской церкви с. Соленького Екатеринославского у. (Записка священника о. А. Недригайлова от 29 мая 1897 г.) // Алексей, епископ (Дородницын). Материалы для истории религиозно-рационалистического движения на Юге России во второй половине XIX ст. – Казань, 1908. – С. 426, № 292; и др.

12. Материалы для оценки земель в Екатеринославской губернии. Т. 3. Верхнеднепровский уезд. – Екатеринослав, 1904. – С. 55.

13. [Новицкий Я. П.] Этнографическое изучение Екатеринославской губернии. – [Б.м., б.з.] – С. 12–15.

14. Письма герцога Армана Эммануила де Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу. 1803–1814 гг.; сост. и ред. О. В. Коновалова. – Одесса, 1999. – С. 244.

15. Рашин А. Г. Население Российской империи за сто лет / А. Г. Рашин. – М., 1956.

16. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 821: Департамент духовных дел иностранных исповеданий. – Оп. 5, д. 1026.

17. Систематический свод постановлений Екатеринославского Губернского Земского Собрания. 1866–1913 гг.; сост. под ред. П. Н. Соколова. Ч. II. 1890–1913 гг. – Вып. II. – Екатеринослав, 1916. – № 187. – С. 1024.

18. С.Р. [Софья Русова] Днепр и Приднепровье. – К., 1898. – С. 43.

19. Сумцов Н. Ф., проф. Т. Г. Шевченко о немецком засилье // Южный край, 1916. – № 13228. – 26 февраля. – С. 5.

20. Яворницький Д. І. Запоріжжя в залишках старовини і переказах народу / Підготовка тексту і наук.-довід. апарату С. В. Абросимової, Н. Є. Василенко; за заг. ред. Н. І. Капустіної. – 3-те вид., випр. і доп. – Д., 2005. – Ч. 1. – С. 228.